

даться въ этомъ, стоитъ только вспомнить отзывы Зола о В. Гюго или Ж. Зандѣ и сопоставить ихъ съ сказаннымъ у Брандеса о царѣ и царицѣ романтизма. Для Зола, Ж. Зандъ—безнравственная писательница, первые ея романы — скучныя, невѣроятныя, почти непонятныя произведенія извращенной фантазіи. Не въ тысячу ли разъ ближе къ истинѣ Брандесъ, когда онъ восклицаетъ: «изъ юношескихъ романовъ Ж. Занда до сихъ поръ брызжетъ согрѣвающее и освѣщающее пламя, въ нихъ слышатся то жалобныя пѣсни, то воинственные клики, отголоски которыхъ умолкнуть еще нескоро... Что казалось, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, вопіющимъ софизмомъ, то сдѣлалось теперь элементарной истиной—и вмѣстѣ съ тѣмъ осталось солью, благодаря которой устарѣвшій по складу и растянутый по формѣ романъ (рѣчь идетъ о «Jacques») до сихъ поръ сохраняетъ свою свѣжесть». Тенденціозный критикъ точно такъ же не задумается поставить В. Гюго выше Мюссе, какъ эстетикъ не задумается вознести послѣдняго надъ первымъ. Брандесъ понимаетъ какъ нельзя лучше всю тщету подобнаго взвѣшиванья; онъ старается только объяснить различное значеніе обоихъ поэтовъ внутреннимъ различіемъ ихъ поэзій. «Спросите французскаго рабочаго или вообще человѣка изъ массы народа, а также романтика или писателя такъ называемой *парнасской* школы: кто величайшій между современными французскими поэтами? Вамъ отвѣтятъ, безъ сомнѣнія: *Викторъ Гюго*. На тотъ же вопросъ, предложенный ученому, свѣтскому человѣку, послѣдователю молодой натуралистической школы, наконецъ образованной женщинѣ, вы получите отвѣтъ: *Альфредъ Мюссе*... Съ каждымъ шагомъ впередъ, сдѣланнымъ Мюссе, все болѣе и болѣе обнаруживались въ немъ достоинства, чуждыя Гюго. Мюссе покорялъ себѣ читателей своею человѣчностью. Онъ сознавался въ своихъ слабостяхъ и ошибкахъ; Гюго считалъ своею обязанностью быть непогрѣшимымъ. Мюссе никогда не былъ риторомъ, всегда былъ человѣкомъ; въ рѣзкой истинѣ его словъ звучалъ крикъ, прямо вырвавшійся изъ груди. Почему же не онъ, а Гюго сдѣлался властелиномъ литературы и вождемъ молодого поколѣнія? Потому что Мюссе, говоря его собственными, только вывороченными на изнанку словами, былъ поэтомъ, но не былъ великимъ человѣкомъ»<sup>1)</sup> Эти послѣднія слова примѣнимы и къ Бальзаку. По справедливому замѣчанію

<sup>1)</sup> Въ одномъ изъ стихотвореній Мюссе, озаглавленномъ: „Après une lecture“ и направленномъ отчасти противъ Гюго, встрѣчаются слова: „Grand homme, si l'on veut; mais poète, non pas“.